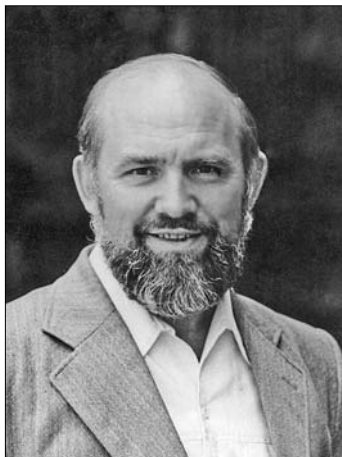

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

БЕК

РАССКАЗ

— Маленький мой, — сквозь слёзы бормотал старик и моластой рукой с искривленными пальцами гладил блестящий, покрытый лаком гроб, в котором молчаливо застыло грузное тело сына.

Дорогой гроб с телом усопшего привезли из Минска. Всю ночь старый Тимох просидел возле него. Он никак не мог поверить, что его Олечка, сороколетний здоровяк, неделю тому назад приезжавший в гости на шикарной иномарке, вернулся навсегда в беззаконной домовине... А тогда они целый вечер сидели за столом, выпили поллитру. Сын достал из багажника еще бутылку.

— Сынок, может, хватит? — встревоженно спросила мать. — Ты же с дороги. Ложись. Отдохни. Тебе же завтра ехать. Дорога неблизкая.

— Матка, не бойсь. Все будет *хокей*. Выеду после обеда. На моём “мерсе” триста кмэ — три часа езды. Даже меньше... Мне надо расслабиться. На работе с семи утра до семи вечера жуткая напрута.

— Это все кризис допекает? — примостилась у стола усохшая, как стручок фасоли, Настуля, мать Олега.

— Да он, проклятый. Меня же давят со всех сторон: почему залежи на складах? Я же начальник маркетинга. Ну, отвечаю за сбыт продукции. — Раскрасневший сын говорил громко и размахивал вилок, зажатой в правой

ЛЕВАНОВИЧ Леонид Киреевич родился в 1938 году в деревне Клеевичи Могилёвской области. Автор многих книг прозы и публицистики. В 1991 г. в издательстве “Советский писатель” вышла книга повестей и рассказов “Якорь надежды”. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живёт в деревне Петрилово Вилейского района Минской области. Родную деревню уничтожил Чернобыль.

руке, будто хотел подцепить на неё невидимый кризис и тех, кто его “давит”.

Тимох уже клевал носом, в разговор не встревал, а Настуле так хотелось поговорить — сын не часто навещал родителей. Она долго работала главным бухгалтером районной нефтебазы, хоть и окончила только техникум, и хорошо понимала, что от сбыта продукции зависит и зарплата, и премия, и настрой руководителя и подчинённых. Правда, тогда, “за савецкім часам”, никакого маркетинга не было и в помине, всё шло своим, плановым порядком. Дешёвое горючее рекою лилось в колхозы и совхозы, изредка весной бездорожье не позволяло довести солярку в далёкую, забытую Богом деревушку.

— У наших заказчиков нет денег. А бесплатно или по дешёвке — нельзя. Подпишу договор с убытком — упекут в тюрьму. А у меня сыны-школьники. Поднимать надо. Ставить на крыло...

И Настуля, и очнувшийся Тимох согласно закивали седыми головами, как одуванчики под ветром. Внучат они любили, может, даже больше, чем самого Олежку.

— Через неделю беру отпуск. Приедем сюда всей семейкой. Сделаем в квартире ремонт. И не абы-какой, а европейский. Кризис кризисом, а жить надо по-людски. Уж вы-то это заслужили. Всё будет хорошо.

— За это дело не грех и по чарке шандарахнуть, — оживился Тимох.

Мужчины выпили. Пригубила и Настуля. Она радовалась, что сын заботится о них. Вспомнила, как любовалась им, когда он приехал в форме курсанта-танкиста. А через год нагрязнул молодым лейтенантом. А как радовалась мать, как гордилась, когда Олег женился на красивой здоровой девушке-разумнице, дочери директора школы. А как завидовали соседи: сын Тимохи-выпивохи, замурзаного бульдозериста, стал офицером, мужем красавицы жены!

А потом народились внучата. Олег попал под сокращение с военной службы. Пошел учиться в институт народного хозяйства, окончил его с отличием. Этот же институт заканчивала и жена Валентина. Работали они на местном заводе, он — экономистом, она — бухгалтером. Вскоре Олега, молодого талантливого специалиста, пригласили в Минск. Устроилась в министерство финансов и Валя.

Живи Настуля со своим Тимохом да радуйся. Однако радости было мало. Муж почти каждый день выпивал, по пьяни, бывало, и побивал. Потом засыпал и храпел на весь дом. А она до утра не могла заснуть. Тимох и теперь каждый день выпивает бутылку “чернил”, и чёрт его не берет, хоть уже семьдесят семь стукнуло. А молодого, здорового сына свалил инсульт... Одна из причин — слишком активно снимал стресс.

Тимох и Настуля сидели возле гроба. Заходили люди. Несли венки с чёрными лентами, на столик у изголовья ставили водку, женщины клали конфеты, печенье.

Приехал из Минска директор завода, высокий, но узкоплечий, с вислыми усами. С ним еще два человека, и тоже привезли венки.

— Папаша, нужна тебе какая-нибудь помощь? — спросил директор у Тимоха. — За автобус... За гроб... Мы все оплатим.

— Спасибо, роденькие, — заплакал Тимох. С утра он уже успел опохмелиться. — Спасибочки, что не оставили в беде. Кто же мог подумать? Это ж ему надо меня хоронить. А не мне...

— Мы разделяем ваше горе. Весь коллектив завода выражает вам соболезнование. Олег Тимофеевич был отличным специалистом. Требовательным, принципиальным руководителем. Чутким к подчинённым. Добросовестным человеком. Он пользовался большим авторитетом на заводе. Вы можете гордиться своим сыном...

Директор выразил соболезнования и матери усопшего, и жене.

— С похоронами проблем не будет, — деловито ответила Валя на вопрос директора. — Я здесь всех знаю, и меня все знают. А в Минске буду проситься на приём.

— Звоните. Я вас сразу приму.

Приезжие вышли на улицу. Покурили, постояли, простились и укатили в город.

Затуманенными глазами провожала машину Валентина. Только теперь до нее дошло: сколько впереди у нее будет нерешенных проблем! Как одной расчитать двух сыновей? Она работала ревизором-аудитором в финансовом учреждении. В последнее время неплохо зарабатывала, даже больше мужа. Это его задевало. Иногда ссорились. Валя даже подумывала о разводе. Теперь об этом думать не надо — жизнь развела их. О том, что сыновья будут расти без отца, сейчас она не думала и о своей любви не вспоминала. А выходила замуж она по любви. Кавалеров было хоть отбавляй, выбрала Олега, — самого красивого, самого здорового, самого умного. И вот — финал: вдова в сорок лет.

Тимох и Настуля, проведив минских гостей, присели на лавочке у подъезда. Неподалеку стояли притихшие соседи, мужчины дымили сигаретами. Подкатил грузовик, совсем новый. На солнце блестела голубая краска. Из кабины вылез водитель, за ним шустрый парень, откинули борта кузова, чтобы установить на машину гроб.

— Надо застлать ковром, — подхватился Тимох.

Но ковёр уже несли: Валентина распорядилась. Водитель с помощником разостлали тяжёлый желто-коричневый ковёр, возле кабины закрепили деревянный крест, обвязанный белым рушником, привязали ёлочки по углам кузова. Внезапно поднялся ветер, затрепыхался рушник на кресте.

— Ой, хлопцы! Завяжите рушничок на узел. А то ветер сорвет. — подала голос Настуля. Помог водитель — завязал узел, чтобы рушник не унесло ветром.

Подошел незнакомый пожилой человек с кийком и пластиковым пакетом.

— Кого хоронят? Молодого или старого? — спросил у Настули, потому что она было в тёмной кофте и тёмном платке.

— Ой, не спрашивай, человеце, — вздохнула Настуля. — Сорок один годик прожил мой сынок.

— Ох, доже рано. Ещё б жить да жить, — искренне посочувствовал незнакомец. — Бог создал человека и сказал: “Живи сто лет!” Самый расцвет, когда доживешь до полсотни. А ваш не дожил. Что ж, у каждого своя планида... Это ж после полусотни каждые десять лет человек спускается на ступеньку ниже. Будто сходит с жизненного крыльца. Ближе к земле.

— Откуда жы ты, братка? — повернулся к нему Тимох. — Я тутотко всех знаю.

— Я в райцентре недавно. Жёнка померла, так у дочери живу. А родам я из Братькович. Обьездчиком служил в лесу. Уже три года на пенсии. Зовут меня Сергей Иванович.

— Так садись, братка, если имеешь часинку. — Тимох подвинулся к жене.

Сергей Иванович присел на свободное место, заговорил снова:

— У нас, в Братьковичах, жил старик. Было ему девяносто пять. Еще при своем разуме, при доброй памяти. Сам себя обслуживал. У семьи сына жил. Как-то пригласил меня в дом. Говорит: смотри, Сергейка, здесь вся жисть человеческая в картинках. А на стене висят небольшие рисунки, в рамочках, лаком покрытые. Вот — он и она. Им по 20 лет. Молодые, красивые. Обнимаются. Целуются, одним словом: любовь. А на этой картинке ему тридцать. Возвращается с охоты с добычей. Приносит трех уток. Жена встречает с малым сыном на руках. А тут человеку уже сорок. Пашет землю на парке лошадей. Весь в работе. Лоб мокрый. Пот ручьем льётся. А здесь уже пятьдесят. Семья за столом. А на столе всего поставлено. И выпить. И закусить. Всего достиг человек. И сила есть, и дети выросли. Живи да радуйся.

Сергей Иванович передохнул, обвел взглядом своих слушателей — подошли поближе мужчины, которые курили у подъезда, водитель из кабины навострил уши. Подошел старший сын усопшего, высокий, в тёмной рубашке.

— А это что за хлопец? — спросил Сергей у Тимоха.

— Внук мой. Старший сынок, — Тимох, видимо, хотел сказать “умершего”, но это страшное слово застряло в горле.

— Да-а, жисть человеческая — хитрая штуковина. Никто не знает, как она повернётся, — Сергей Иванович разгладил пакет, на нем были черно-белые квадраты, и напоминал пакет картонную шахматную доску. — Так, знает, дедок тот показывал картинку дальше. Пятьдесят лет — самый расцвет жизни. А затем уж покатится она под откос. У кого быстрее. У кого потише. Как кто сумеет себя сохранить. Как будет жить. Сколько работать, сколько водки пить, сколько есть. Если человек обжора, тот собственными зубами себе могилку роет. Это мне всё дедок рассказал. А на этой, говорит, картинке — человеку шестьдесят. Внучек сидит на коленях, а жена рядышком. Шарпетки-носки вяжет шерстяные. Человек уже лысый. Лицо в морщинах, уже с тростью — семьдесят стукнуло. На две ступеньки вниз спустился. Но ещё крепок, ещё с косой справляется. А на этом рисунке человеку восемьдесят. Внук подаёт ему ребятёнка, поздравляет с новым званием — прадедом стал человек. А тут уже стоит он на коленях, просит: “Боженька, прими мою грешную душу”. Устал человек. Жисть уже не в радость. Хочет домой. До своих дедов и прадедов. Вот таков он, век человеческий.

— А сколько ж вам лет? — спросила Настуля.

— Мне семьдесят три. До семидесяти работал в лесу. А потом ноги начали подводить. Пришлось пойти в отставку...

Подкатил красный “жигулёнок”. Водитель открыл багажник, начал доставать зелёные ветви ели.

— Дядька Тимох! Куда лапник? На машину погрузить или мне его кидать на дорогу?

— Часть сложи на машине. А больше оставь себе. Будешь сам бросать... Поедешь ты, сынок, по зелёным веткам, — заплакал Тимох.

Снова послышался гул мотора, подъехал автобус. Из него начали торопливо выбираться музыканты. Солнце весело заиграло на сверкающих жёлтых трубах. Оркестрантов было восемь. Они быстро, слаженно, привычно выстроились напротив подъезда.

— Ну, что, мужики, надо выносить. Пошли, — коренастый усатый мужчина позвал своих помощников.

— Не люблю смотреть, как выносят ногами вперед. — поднялся Сергей Иванович. — Это ж внучка попросила купить мороженого. Иду в магазин. Да вот засиделся немного. Пойду дальше. Примите моё соболзнование. Тут уж ничего не поправишь. Слезам горю не поможешь.

Старик поднялся и, слегка прихрамывая, потопал своей дорогой. Широкая, ещё прямая спина его будто утверждала: этот человек еще поживёт на белом свете.

Мужчины установили в кузове тяжелый гроб. Музыканты грянули похоронный марш. Валентина вынесла табуретку, поставила возле заднего борта машины, помогла влезть наверх Настуле и Тимоху. Они сели возле гроба.

Светило яркое солнце, гремела музыка. Мало кто услышал, как зарыдал, заголосил Тимох, целуя холодные руки сына:

— Не виноватый я! Не виноватый. Прости, сынок...

— Перестань! — сурово оборвала его Настуля. — Это не ты плачешь, а водка. Трезвым он тебя редко видел...

Грузовик тронулся, колеса вдавливали в тёмно-серый разогретый асфальт зелёные ветви — лапы ельника.

Перевод с белорусского автора